

ИРА БРИЛЁВА

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ШОУБИЗА

Ира Брилёва

Приключения Шоубиза

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6713987

Аннотация

«Я – «Шоубиз». Это мое «погоняло». Если перевести на нормальный человеческий язык – прозвище. Но нормального там, где я работаю, мало. Вернее, его там совсем нет. И поэтому «погоняло» – привычнее. Словечко, конечно, с душком, из криминального мира. Но на такие пустяки давно уже никто не обращает внимания – здесь есть деньги, и поэтому тут все сплошь криминальное. Специфика работы!..»

Содержание

Глава 1. Обо мне и не только	5
Глава 2. Концерт	17
Глава 3. Донна Прима	25
Глава 4. В гостях у небесной Донны	36
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Ира Брилёва

Приключения Шоубиза

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Глава 1. Обо мне и не только

Я – «Шоубиз». Это мое «погоняло». Если перевести на нормальный человеческий язык – прозвище. Но нормально-го там, где я работаю, мало. Вернее, его там совсем нет. И поэтому «погоняло» – привычнее. Словечко, конечно, с душком, из криминального мира. Но на такие пустяки давно уже никто не обращает внимания – здесь есть деньги, и поэтому тут все сплошь криминальное. Специфика работы!

Я работаю в шоу-бизнесе с детства, с пятого класса, с того самого момента, когда меня на совете пионерского отряда единогласно выдвинули в культмассовый сектор. Тогда было модно занимать детей чем-нибудь полезным для общества. Нас всех поголовно разделили на «сектора», чтобы мы занимались делом и не болтались по улицам после уроков. Пятерых девчонок выдвинули в санитарное звено, и они гордо носили дурацкие белые шапочки с красными крестиками на лбу. Моего соседа по парте выбрали старостой, и я его сразу же люто возненавидел. Я вообще с детства недолюбливал любое начальство. Кого-то назначили помогать двоечникам. А мне повезло – на меня возложили ответственность за культуру нашего класса. Это было что-то вроде общественной нагрузки, и я не возражал. Я же не знал тогда, что это и есть «шоу-бизнес»!

Вот тогда-то я впервые и занялся организацией концер-

тов. Разных: и к Первому Мая, и к 7 ноября, и даже ко Дню Космонавтики.

К очередному празднику я собирал школьные таланты, стогнял их за кулисы актового зала и начинал священнодействовать. Артисты, запуганные нашей бальзаковского возраста пионервожатой, смиренно толпились за сценой, кротко вздыхая и безропотно исполняя любое мое желание. Пионервожатая периодически возникала из ниоткуда, стремительно совершала облет сцены, окидывая всех взглядом гордой, но потрепанной жизнью орлицы, и снова куда-то исчезала, унося с собой ощущение ужаса, вызванного ее появлением.

Я же чувствовал себя восточным набобом, наслаждаясь неожиданно свалившейся на меня безграничной властью и полной свободой творчества. Я неторопливо, смакуя, словно маститый режиссер, отсматривал и перетасовывал концертные номера, выстраивал их на разные лады, шлифуя и располагая в наиболее выигрышном порядке, пока не получалось, по моему мнению, зрелищно и без единой зацепки и недосказанности. Концерт должен был катиться гладко, без остановок и шероховатостей, словно колеса локомотива по ровным рельсам. Это было похоже на решение детской головоломки, и мне очень нравилось это занятие. В концерт нужно было впихнуть певцов, танцоров, гимнастку, фокусника, дрессировщика домашней крысы и еще неизвестно кого – в общем, все, что подвернется под руку. Я старался, чтобы бы-

ло красиво и стройно. А если повезет – даже грандиозно! Я называл это «собрать винегрет». У меня здорово получалось. Я всегда точно знал, кого за кем нужно поставить, чтобы получился классный концерт. Не хуже, чем по телевизору.

С тех пор прошло много лет. Вы не поверите, но сейчас я занимаюсь тем же самым. Только в моей взрослой жизни такие концерты называются «сборная солянка». Странно, почему такие кухонные термины? Может, оттого, что это кормит?

Меня иногда громко именуют продюсером. Но это не так. Продюсер – это тот, кто делает звезд. Он их либо находит, либо они приходят к нему сами с чемоданом денег. А лучше с двумя. И тогда в скором времени из простого человека вдруг неожиданно-негаданно получается новая звезда.

У продюсера много головных болей, связанных с его подопечными. Я же выбираю себе из всего имеющегося ассортимента головных болей только некоторые, по своему вкусу.

И поэтому я звезд не делаю, мои обязанности намного скромнее продюсерских – я их «катаю», то есть, по их просьбе вожу на гастроли, устраиваю для них всякие шашки, корпоративы, междусобойчики и прочую ежедневную эстрадную мишуру. По случаю, когда попросят – я делаю выстройки концертных программ, то есть, режиссирую их, пишу сценарии, монологи и прочую эстрадную текучку, иногда я даже конферирую свои и чужие концерты. За это тоже неплохо платят, но чаще я просто концертный директор.

Однажды меня назвали «музыкальным директором». Я тоже не возражал. Некоторым больше нравится называть меня арт-директором, но принципиальной разницы я не вижу, поскольку не знаю, чем именно различаются функциональные обязанности этих профессий. Подозреваю, что этого не знает никто. Только арт-директор звучит покрасивее. Вот и вся разница.

И вообще, я – вольный стрелок и очень дорожу своей свободой. Во всех доступных мне смыслах.

У меня много забот. Одна из них – звездные райдеры. Это списки их прихотей, без которых звезды ни за что не соглашаются оторвать от диванов свои звездные попки.

Например, в райдер может входить следующее пожелание: «А у моего мопсика будет отдельный туалетик с розовым унитазилом? Нет? Фи-и-и! Тогда я выступать в концерте отказываюсь!!!»

Или: «А в холодильник обязательно положите ровно один килограмм нежно-фиолетового льда. Смотрите, не перепутайте – ровно один килограмм – я взвешу. По фэн-шую мне больше нельзя. Обожаю коктейли со льдом! Да, и не забудьте порезать лед ромбиками, так он вкуснее».

Вы думаете, это шуточки? Вы сильно ошибаетесь! Моя задача – как можно быстрее оборудовать розовый унитазилок для мерзкого избалованного пса, которого я уже тихо ненавижу, даже не увидев его ни разу в своей жизни. После этого надо где-то добыть пищевой краситель и срочно покрасить

лед в фиолетовый цвет – в соответствии с пожеланиями очередной гастрوليрующей звезды.

Но я люблю свою работу, и обычно все заканчивается хорошо.

В общем, я – разновидность коммивояжера, и мой товар – звезды.

Сейчас я торчу за кулисами среднестатистического ДК образца позднего соцреализма и жду артиста. Все уже на месте, а эта сволочь, пользуясь своим звездным статусом, капризничает.

Звезды все капризничают, но среди них есть вменяемые, полувменяемые и невменяемые вовсе. Вменяемые звезды очень похожи на обыкновенных граждан, и от них обычно не бывает никаких неприятностей. Но это большая редкость, скорее, вымирающий вид. Лично мне такие уже давно не встречались.

Полувменяемые – это стандартный вид звезды. Они в обычной жизни стараются вести себя нормально, но получается это не всегда и не у всех. На концертах они иногда капризничают, просят чего-то несбыточного, но хорошо поддаются внушению спокойным ровным голосом, быстро успокаиваются и забывают о своих дурацких просьбах. О них могу сказать только одно – как повезет.

Самый страшный вид звезд – это невменяемые. Они ничего никогда и ни от кого не хотят слушать, поступают только так, как им нравится, не поддаются никаким увещани-

ям, и их любимое развлечение – издеваться над организатором концерта, то есть, надо мной. Я бы их всех с удовольствием поубивал – иногда они доводят меня своими идиотскими капризами до точки кипения. Но, к моему большому сожалению, не могу – они мои главные кормильцы.

Я давно заметил странную закономерность: чем стервознее звезда, тем больше ее любит публика. Эта любовь возрастает в геометрической прогрессии, когда звезда совсем сатанеет, становясь не просто стервозной, а превращаясь в настоящее исчадие ада. Вот тогда градус любви к звезде находится в апогее – публика стадами ломится на ее концерты.

Если бы я был физиком, то, вероятно, попытался бы вычислить эту закономерность. Но я не физик, и мне, в общем-то, пополам.

Также звезды бывают крупными и мелкими. Крупные обычно талантливы. Хотя встречаются и исключения. Мелкие – это те, которые еще только рвутся в крупные. Но пока не хватает денег. Попадаются и совсем бездарности, и таких – большинство.

Но всех их – стервозных и не очень, мелких и крупных, – любит зритель, который с удовольствием платит деньги за своих любимчиков. А зритель для шоу-бизнеса – это и есть господь бог. Все здесь – только для него, и чего бы он не пожелал, это тут же будет исполнено!

Итак, я переминаюсь с ноги на ногу за кулисами ДК – ДК так себе, средней руки – и нервно смотрю на часы. Стрел-

ка делает оборот за оборотом, но ничего не происходит, и я гвоздем торчу здесь уже целый час. Все понятно – «саундчек» летит к черту, и распеваться и настраивать аппаратуру сегодня никто не будет. Значит, звезда намерена поразить своих фанатов первоклассной «фанерой».

Вы не подумайте, что я сейчас разговариваю на языке давно вымерших индейских племен. Совсем нет. «Фанера» – это плюсовая фонограмма. Это когда и музыка и голос заранее записаны на диск, и артист просто открывает рот, имитируя на сцене бурную певческую деятельность. Всю эту шарашку зритель слушает в зрительном зале точно так же, как мог бы слушать, не выходя из своей квартиры, например, свежечупленный музыкальный альбом, вставив его в магнитофон.

Артисты часто поют под «фанеру» по разным причинам. Иногда артист просто не в голосе, иногда сама площадка – например, стадион – просто не может быть озвучена из-за грандиозности своих размеров. Если, конечно, на стадионе случайно не завалылась сотня-другая приличных музыкальных колонок, а без этой кучи аппаратуры голос артиста будет звучать как одинокий уносимый ветром стон, сколько бы артист не надрывался в микрофон. А зритель будет недоумевать – куда же подевалась знаменитая мощь и богатство привычного голоса? Поверьте, уж я-то знаю!

Иногда все же на концерте исполнитель поет сам, и тогда это настоящий живой звук. Это случается, если все сошлось: артист в порядке, аппаратура не подвела, и вообще всем про-

сто охота поработать!

Но это бывает редко, потому что под «фанеру» петь не просто удобнее. «Фанеру» легче записывать телевизионщикам, и это они виноваты, что вся эстрада теперь без зазрения совести гонит эту самую «фанеру». Телевизионщиков, конечно, жалко – на них всех собак повесили, а им работать надо. Артисты же народ ленивый и избалованный, и им иногда просто неохота лишний раз самостоятельно рот открыть. Вот и привыкли. Некоторые так насобачились, что отличить «фанеру» от живого звука может только специалист.

«Саундчек» – это время перед концертом, когда в зале еще нет публики, а артист может спокойно попробовать аппаратуру и настроить звук. Вы даже не представляете, насколько это важно! Ведь главный признак артиста – это то, как он звучит. Зритель часто узнает своего артиста только по этому признаку. А чтобы этот признак соблюсти, есть в зале человек, от которого на концерте зависит всё. Или почти всё. Этот человек – звукооператор.

Звукооператоры – отдельное племя, и оно живет вне нашей цивилизации. Среди них есть «прекрасные уши», а есть «Пьеры Безуховы» – это те, кто делает вместо музыки «ведро». «Ведро» – это мой личный термин, так я называю некачественный звук. Чтобы сделать «ведро», совсем не обязательно быть плохим звукооператором. «Ведро» – это иногда главное развлечение на концерте вполне хорошего «звукача». Почему они так развлекаются, известно только одному

господу богу.

Если же у артиста заведомо плохие отношения со звукооператором, то тот обязательно подложит всем нам жирную свинью, накрутив артисту на пульте «ведро». Сделать это при помощи современной аппаратуры для хорошего звукооператора – плевое дело! Такая ситуация на концерте для артиста – страшный сон! Из усилителей летит к зрителю черт знает что вместо музыки. А артисту – хоть плачь! Не узнаёт артист свой голос, и бороться ему с микрофоном весь концерт, как пить дать! И не факт, что сможет побороть. И где здесь тогда искусство?

А «звучаки» – пакостники такие – даже иногда спорят между собой на деньги, поборет артист микрофон или нет. Спокойненько так заключают пари и ждут, чем все закончится.

И зритель всё это будет слушать, весь концерт ломая голову, почему это сегодня «Бэкстрит бойз» звучат как ансамбль «Пьяные коты» из города Нижнеплюйска?

Заботливый продюсер или директор придет на помощь артисту и быстро разберется с таким «звучаком». А чего с ним долго разбираться, дать ему немного денег, и он будет как шелковый! Можно, конечно, не давать денег, а дать в глаз. Но это не наши методы.

Есть среди «звучачей» и настоящие волшебники. Эти накручивают свой огромный, размером с легковой автомобиль, пульт с такой точностью, что голос у артиста словно бы на-

чинает жить самостоятельной жизнью, отдельно от него. И порхают тогда нотки по залу, как маленькие птички-колибри. Я тысячу раз это видел собственными глазами! Вот что такое хороший звукооператор.

Мое ожидание переваливает уже за полтора часа.

Вот сволочь!

Мне на сегодня достался самый паршивый «звездный вариант» – номер три, полный «невменяшка», и я пью валидол. Через полчаса от валидола у меня разболелась голова. Я опытный «шоубиз», у меня всегда с собой аптечка. Там таблетки на все случаи жизни. Я выуживаю из аптечки цитрамон – от головы – и иду в сторону гримерок в поисках стакана воды.

За кулисами, на полу, уютно расположившись между сваленными в кучу гитарными кофрами и двумя зачехленными концертными роялями, репетирует рок-группа. Так, не в полную силу, потихоньку бренчат струнами. Они до этого репетировали на сцене, но скоро начнется концерт, и рокеров со сцены согнали. Рокеры в этом концерте не запланированы, но уходить им из ДК неохота, а может, некуда. Вот и сидят они на полу, привалившись к рояльным ножкам, и потихоньку наигрывают какую-то лабуду. Я подхожу к ним с вопросом, нет ли у них стакана воды.

– Не-а, чувак, нету. Есть стакан коньяку. Можем предложить.

Я соглашаюсь и запиваю цитрамон двумя глотками конья-

ка. Больше нельзя – мне еще работать!

Прошло уже около двух часов. До концерта каких-то сорок минут, а грёбаная звезда все не едет.

Через десять минут коньяк вступает в реакцию с цитрамоном, и мне становится поровну весь мир. Вместе со звездой. Голова, наконец, перестает раскалываться от неминуемого нервного стресса, и я прихожу к благодушному заключению, что и фиг с ним. Не приедет – ему же хуже. Обойдемся! И сэкономим! Тем более, что его гонорар в белом конверте мирно лежит у меня в кармане. А зритель? А что зритель. Он, как и положено дисциплинированному богу, уже давно привык, что его периодически «кидают», и если на афише значится имя какой-нибудь знаменитости, то совсем не обязательно вам эту знаменитость покажут. По разным, иногда совершенно не зависящим ни от чего причинам.

Случаи бывают разные. Часто звезда и рада бы на эту сцену выйти, но пока она до нее доберется, неизвестно, что может с ней, со звездой, приключиться. Например, может случайно «нализаться» в лимузине. А что, вполне рядовой случай. В пробке-то скучно стоять, вот и займет себя человек на досуге небольшой бутылочкой коньячка, не книжки же ему читать, в самом деле!

Вдруг раздается телефонный звонок. Мой цитрамон, смешанный с коньяком и валидолом дал неплохой результат. У меня прекрасное настроение и я бодрым голосом ору в телефон:

– Алле! Что? Не слышу! А, это ты. Привет. Где тебя носит? Опаздываешь? Я заметил. Уважительная причина? Это какая же? Будильник не зазвонил? Ага. Ты еще скажи, что троллейбус сломался. Какой троллейбус? Синенький такой. Ладно. Жду. Давай.

Я как в воду глядел! Звезда в «ауте». Несет какой-то бред про будильник и думает, что эта сорокалетняя лапша мирно пристроится у меня на ушах. Ладно. Слава богу, хоть прорезался. В принципе, ничего страшного. Звезда минут через двадцать будет здесь, ее выход в конце программы, а это еще добрых два часа. Успеет проспать. Так что все в норме, можно начинать. Занавес!

Глава 2. Концерт

Концерт спокойно катится своим чередом уже около часа. Артисты дисциплинированно подъезжают к оговоренному заранее времени и мирно выходят на сцену. Отработав, они так же мирно забирают свой гонорар и укатывают на следующее в их списке мероприятие. А моего «звездуну» по-прежнему как не было, так и нет. Похоже, уже и не будет. Его мобильник последние минут двадцать сообщает мне, что абонент временно недоступен. Видимо, алкоголь сработал как снотворное – в лимузине тепло, вот артиста и «растасило». Скорее всего, мобильник мешал ему спать, и он его просто выключил. А шофер лимузина боится шефа разбудить – звезды, они спросонок буйные, могут ненароком и пришибить. Или уволить. А это еще хуже. Небошь, припарковался сейчас где-нибудь неподалеку в закоулке и ждет, пока хозяин проспится.

Я вспоминаю про зрителей, и мне становится немного не по себе. Господи, пронеси! С удовольствием вслух ругаю «звездуну» последними словами и чувствую облегчение. Сволочь! О чем он думает? На афишах его имя набрано буквами размером со среднюю кошку! И ничего уже нельзя поменять!

Я бегаю по тесному закулисию и дико нервничаю. Мне надо чем-то или кем-то заткнуть внезапно образовавшуюся в

программе жирную дыру. Чертов «звездун»!

Я грызу ногти и потом принимаюсь обглаживать все, что идет за ногтями. Средненький концерт должен длиться часа два, лучше, три. Народ купил билеты и мечтает о зрелищах. Если зрелище продлится меньше, чем кино про Гарри Поттера, меня никто не поймет. А возвращать деньги очень не хочется. Поэтому я нервничаю. Уже почти все артисты отработали свои треки, а надо продержаться еще хотя бы минут сорок.

Я горестно вздыхаю и прислушиваюсь. На сцене конфетансье веселит зрителей какими-то бородатыми анекдотами, и из зала доносятся беспорядочные взрывы хохота. Слава богу! Еще не все потеряно. «Думай, думай», – подстегивает меня нехорошая мысль о возможных неприятностях.

Я затравленно оглядываюсь по сторонам, но никого, кроме потихоньку бречащих на гитарах рокеров за кулисами нет. Набрал в легкие побольше воздуха я направляюсь к ним.

– Мужики, выручайте. Понимаете, концерт надо бы продолжить, а у меня уже артисты кончаются. – Я по-детски переминаюсь с ноги на ногу, словно хочу в туалет по-маленькому. А мне от всех этих треволнений на нервной почве и вправду туда очень хочется. Но пока некогда – я на работе.

Рокеры не отрываясь от своих гитар неторопливо закуривают длинные вонючие сигары, о чем-то лениво переговариваются и только потом замечают меня. Они смотрят на меня снизу вверх, но мне кажется, что это я сижу на полу, а они

возвышаются надо мной как Тибет. В их взглядах я улавливаю сочувствие. Я повторяю свою попытку.

– Мужики, выру...

– Да слышали уже, – волосатый рокер в несвежей бандане, завязанной у него на шее, негромко рыкнул в мою сторону. – Ты вообще как себе это представляешь? – он аккуратно выпустил в меня несколько смачных сизых колец, которые нехотя оторвались от сигары и, покружив перед моим носом, уплыли в свободный полет. – Мы же – рокеры. А народ сегодня на «попсу» привалил». – И волосатый сделал лицо, как у папы, который делает ласковое внушение сыну-двоечнику. Но мне нужны были артисты, и я не унимался:

– Какая разница! – воскликнул я и осекся, поняв, что это была моя стратегическая ошибка – рокеры по определению ненавидят «попсу». Волосатик, а за ним и все остальные выразительно переглянулись и, потеряв ко мне всякий интерес, склонились над гитарами. Через минуту они снова ушли в себя, став безучастными ко всему остальному миру. Немного послушав их беспорядочное брэнчание и поняв, что этот раунд я проиграл, я поплелся в сторону сцены. Там концерт был в полном разгаре. Теперь по сцене прыгала четверка неопределенного возраста девчонок, объединенных звучным названием «Цветные спички». Возраст их скрывал густой слой косметики. Это были классические «поющие трусы» – их через меня проходит каждый день с десятков. Как ни странно, самые настырные из них обычно выбиваются в

люди. Но таких мало, как и в любой другой профессии.

Именно этих «Спичек» мне когда-то навязал один мой приятель, большой любитель женского пола. Видимо, при знакомстве он наобещал девчонкам с три короба, а потом, чтобы не возиться, просто пристроил их ко мне. А мне их всегда жалко – пусть поют. Потом замуж выскочат, будет не до песен. Я нашел «трусам» персонального руководителя и сбаврил девчонок на его попечение. Он был лысый, почти альтруист, и его звали Гоша. Я знал его тысячу лет. Он любил повозиться с начинающими певичками, надеясь, что хоть на этот раз из них выйдет толк. Это был уже седьмой состав «Цветных спичек».

Музыка грохотала, как ночной локомотив на мосту. Я стоял в кулисах, и вдруг мне в голову пришла идея. Я поманил пальцем одну из певичек, и она, заметив мой жест, активно задвигала попкой в мою сторону. Оказавшись недалеко от меня, она, продолжая ритмично двигаться в такт словам и музыке, пропела:

– Что вы хотите?

Со стороны даже не было заметно, что она со мной разговаривает.

– Вы можете еще поработать? – прокричал я, пытаюсь переорать музыку. Певичка сделала танцевальное «па» и заскочила в кулисы.

– Нет. У нас больше репертуара нет. У нас всего четыре песенки, – срываясь на ультразвук, пропищала она, стараясь

перекрыть своим тщедушным голоском гремящие звуки сцены. Ее испуганные глазки захлопали наклеенными ресницами. Я разочарованно кивнул. Певичка, помедлив еще пару секунд и поняв, что мне от нее больше ничего не нужно, натянула на лицо улыбку до ушей и упорхнула на сцену. Ее отсутствия, похоже, там никто не заметил.

Я снова нервно забегал по крохотному пятакчу ДКашного закулисья. Мне ничего не оставалось делать, как обратиться к единственному безотказному средству. Приняв решение, я тяжело вздохнул и снова двинулся в сторону рокеров. Они так же невозмутимо сидели на полу, дергая за струны гитары и не обращая внимания на орущую и грохочущую сцену.

– Я хорошо заплачу, – проорал я волосатому прямо в ухо. Тот поднял на меня невозмутимый взгляд и спокойно спросил:

– Сколько? – я прочел вопрос по его губам.

– Двести, и работаете час, – проорал я в ответ.

– Триста, – показал он три пальца.

– Хорошо, договорились, – кивнул я и полез в карман за авансом. Особо кочевряжиться мне было не с руки. Да и мой бюджет вполне вписывался в новую схему концерта. Я серьезно сэкономил на «звездуне» – его гонорар, который я заблаговременно забрал в дирекции ДК, лежал у меня в кармане, и теперь я мог распорядиться им на свое усмотрение. Зал сегодня был битком, и мне оставалось только как-то умудриться успокоить зрителей. Конечно, такой наглости,

как подмена артиста, они от меня никак не ожидали, и мог разразиться грандиозный скандал. Но надо было любой ценой спасти ситуацию. Если все обойдется, то я еще и заработаю на этом засранце!

Разыскав за сценой слегка нетрезвого конференсье, я сообщил ему об изменениях в программе. Он тут же протрезвел, и глаза его стали абсолютно круглыми как новогодние елочные шары:

– Рокеры? Да вы что! А где этот, на которого народ пришел?

– Этого не будет, – коротко ответил я, не вдаваясь в подробности.

– Понял. Не вопрос! – конференсье был опытный. – Как объявлять будем? – живо поинтересовался он.

– Да наплети что-нибудь про лауреатов. Какой там недавно конкурс был в Европе? Я не помню. Я в роке слабоват, – пожаловался я. Конференсье сделал понимающее лицо.

– Не переживай. Чё-нибудь слепим. Великобритания подойдет?

Я кивнул:

– Валяй!

Сцена, наконец, заткнулась. «Трусы», весело вереща, стайкой убежали в гримерку. Зато зал, разогретый «цветными трусами» ожил не на шутку. Свист и крики, доносившиеся оттуда, говорили мне, что публика готова ко встрече с кумиром. Толпа ждала зрелища и жаждала любимых песен.

Я поежился и тоскливо посмотрел в сторону рокеров. Что же сейчас будет? Этого не мог предсказать никто.

Рокеры привычно поволокли на сцену свои тяжеленные мониторы. Одновременно с ними на сцену выскочил радостно улыбающийся конферансье и, не обращая никакого внимания на флегматичных рокеров, воскликнул:

– Друзья! Начинаем второе отделение нашего концерта, – я услышал его чрезвычайно профессиональный голос, от которого за версту несло искусственным энтузиазмом. – Сейчас перед вами выступят лауреаты двенадцатого международного ливерпульского фестиваля рок– и поп-коллективов. Встречайте!

Рокеры застыли посреди сцены, словно их остановил стоп-кадр. Они ошалело провожали взглядами резво скачущего подальше от сцены конферансье, не понимая, кого именно сейчас объявил этот веселый румяный человек. Мгновенно сориентировавшись, я подхватил ситуацию. Высунувшись из кулис, я заорал страшным шепотом:

– Это вас объявили, вас! Начинайте! – И активно замахал руками, делая знаки, что, мол, можно приступать к музыке. Рокеры, поняв, что все в порядке, оттаяли и снова как ни в чем не бывало принялись загромождать сцену своей аппаратурой.

В зале воцарилась подозрительная тишина. Видимо, зритель пытался переварить полученную информацию. Кое-кто уже почувствовал подвох, но еще не вполне осознал, где он

закопан.

Срочная замена артиста – вещь нетривиальная и не часто встречающаяся. И поэтому требуется некоторое время, чтобы люди поняли, что вместо приятной для слуха незатейливой попсовой мелодии сейчас на их барабанные перепонки обрушится настоящая Ниагара звуков. Такую замену не каждый в состоянии осознать до конца, пока это не произойдет наяву. Тишина в зале становилась назойливой. Это был плохой знак. Рокеры тем временем закончили с аппаратурой и теперь настраивались. Нестройные аккорды вывели публику из ступора.

– Попсу давай! – слышались робкие возгласы с задних рядов. Но рокеры наконец настроились и грянули. Робкие возгласы утонули в грандиозных вибрациях, и зал снова впал в транс. Еще с минуту понаблюдав в щелочку кулис за сценой и залом и на глаз определив, что прямо сейчас революций никто устраивать не собирается, я легко вздохнул и улыбнулся. Фух, кажется пронесло! Моя работа на сегодня окончена, и в принципе, если не сильно придирааться, то сойдет. Я не стал больше дожидаться неизвестности и неприятностей и быстрыми шагами пошел прочь от темного пыльного закулисья.

Глава 3. Донна Прима

Коридор за сценой был тихим и узким, как лаз в сказочную страну. Толстая стена отделяла сцену и зрительный зал от прохладного и спокойного пространства, утыканного бесконечным количеством дверей. Двери шли вдоль коридора длинной вереницей, и непосвященный мог подумать об этом все, что угодно. Но я был посвященный. И я знал, что эти бесконечные двери – это артистические гримерные. В гримерках артист может спрятаться от всего остального мира и наконец остаться в спасительном одиночестве и тишине.

Тишина – это иногда недостижимая благодать в кочевой актерской жизни. Она – как бесценная награда после грохота и рева концертов. Артисты любят это время, когда можно расслабиться после нервотрепки, предшествующей и сопровождающей любое зрелищное мероприятие. И артисты люто возненавидят любого, кто хочет помешать этой благодати и благодати. А какой-нибудь незадачливый фанат именно в такой сладостный момент тишины и полного покоя и норovit прорваться к своему кумиру, чтобы, заглядывая в глаза и трясясь от волнения невнятно прошепелявить: «А можно автограф?» Артист, приклеив на уста улыбку небожителя, рисует на обрывке смятой газеты, подsunутом ему под руку услужливым менеджером, малочитаемый символ и умоляюще смотрит на своего концертного директора. Его взгляд

означает примерно следующее: «Как эта сволочь прорвалась сюда? Как она просочилась сквозь все кордоны моей высокооплачиваемой охраны? Уволю всех к чертовой матери!» И пока взгляд артиста наливается кровью от злости и бессилия, тут самое время исчезнуть из гримерки всем. От греха подальше. А то и впрямь уволит, а потом сам же и будет жалеть. Артисты – они такие! У них все не как у нормальных людей.

Я иду вдоль коридора, читая надписи на дверях гримуборных. Одна надпись меня очень заинтересовала. На двери табличка с крупными буквами «Донна Прима». Я тихонько трогаю ручку двери и просовываю голову в образовавшуюся щель. В комнате, которую делает маленькой и тесной бесконечное количество коробок, коробочек, а также несколько длинных металлических стоек с развешанными на них блестящими и переливающимися, словно африканский попугай, концертными костюмами, царит пыльный полумрак. Мой взгляд скользит вдоль всего этого великолепия, пока я случайно не замечаю некоторое шевеление в самом дальнем углу комнаты. Внимательно присмотревшись, я замечаю небольшое трехстворчатое трюмо и одиноко горящую над ним скудную лампочку. Лампочка светит вполсилы, отчего я сначала принял ее свет за отблеск ярких блесток, издаваемый бесчисленными пайетками и бусинами, нашитыми и наклеенными на костюмы. Только сцена дает человеку возможность выглядеть так нелепо и претенциозно. Но именно

это больше всего нравится зрителям! Видимо, в каждом из нас с детства сидит мечта, вычитанная в романах про рыцарей и прекрасных королев, где рыцари и королевы – это мы с вами. А какая же королева без блессток! И где вы видели настоящего рыцаря без блестящего, словно рыцарские доспехи, расшитого серебряным позументом и галунами пиджачка?

– Чего застрял? Давай или туда, или сюда, – голос слегка надтреснутый, с хрипотцой. И очень знакомый. Я внимательно вглядываюсь в полумрак. – Ты не понял? – в голосе начинается угроза. Я на всякий случай послушно киваю и проскальзываю в помещение. – Иди сюда, чего там стоишь, – голос теперь примирительный и намного тише. Я осторожно пробираюсь вдоль стоек с костюмами и наконец выхожу на небольшое свободное пространство. Около трюмо сидит женщина. Она красит ресницу на левом глазу и волосы ее завязаны на затылке в небрежный тяжелый узел. Она на секунду прекращает свое занятие и окидывает меня любопытным взглядом. Я стою перед ней, ощущая себя абсолютно голым. Я ее узнал.

– Это ты там эту кашу заварил? – она снова возвращается к покраске глаза. Я киваю, понимая, что этого сейчас никто не видит.

– Да, это я, – дублирую я свой кивок словами.

– Неплохо, – хриплый смешок сопровождает новый любопытный взгляд. – Первый раз вижу, чтобы рокерами попсу

заменили. Ну ты даешь! – И она откровенно и громко смеется.

– Так вышло, – коротко комментирую я. Робость одолевает меня в присутствии этой женщины. Я еще никогда не видел ее так близко, и тем более не говорил с нею. А она ничего.

Женщина, наконец, заканчивает макияж и поворачивается ко мне всем своим немного огрузневшим телом. Я разглядываю ее, словно редкий экземпляр какого-то необыкновенного животного, а может, редкую картину. Она смотрит на меня примерно так же. Первой не выдерживает она.

– Ну, чего уставился? Глазам не веришь? – она немного подсмеивается надо мной. Но вполне безобидно.

– Да нет, все в порядке, – придя в себя, парирую я. Она склоняет голову набок и спрашивает:

– Выпить хочешь?

Мое «да», наверное, было слегка поспешным. Через полчаса мы уже мирно беседуем, закусывая коньяк, как и положено, лимоном и дорогим шоколадом.

– Знаешь, мне тут хорошо, – говорит она, предваряя все мои глупые вопросы. – С тех пор, как я ушла с большой сцены, я иногда прихожу сюда, – она немного помолчала, словно решая, нужно мне еще что-либо сообщать или я не достоин этого. Но, видимо, ей действительно необходим был слушатель. Или зритель. И она доверила мне свой секрет. – Здесь, в этом ДК, был мой первый концерт, а потом я эту гримерку

выкупила, все костюмы свои сюда стащила. Чтобы все было в одном месте. Вот иногда прихожу, люблюсь. – Я сидел тихо, как мышка. Не каждый день такие люди хотят кому-нибудь открыть душу. И это надо ценить. Я оценил.

– Раньше все просто было: гастролы, концерты, поклонники. А теперь осталось только это – костюмы, пыль и воспоминания, – в ее глазах мне на мгновение почудился подозрительный блеск. Но, видимо, только почудилось. – Да. Каждый должен уходить вовремя, – она сказала это не мне, а скорее себе, но тут же вернулась в окружающую нас действительность. – Может, здесь потом музей сделают? Как думаешь? – и она вопросительно посмотрела на меня. – Наливай, чего сидишь. – И мы снова выпили. Я не стал уточнять, когда это «потом».

– Послушай, а давай сегодня ко мне закатимся? – Я подавился шоколадкой от неожиданности. – Понимаешь, раньше у меня дома все время какая-то толпа тусовалась. А теперь нет никого. Пустота. Куда все подевались? – и она грустно улыбнулась. Я молча смотрел на нее, боясь пошевелиться. – Да черт с ним, с прошлым. Надо жить настоящим. А то с ума можно сойти от всех этих воспоминаний. Видишь, афиши. Вот это вся моя жизнь.

Я наконец решился открыть рот:

– А вы часто здесь сидите? – Вопрос получился корявым, но было поздно что-то менять.

– Сейчас уже нет. А раньше частенько засиживалась. А

еще раньше мне вообще некогда было присесть, – она снова хрипло рассмеялась. – Ладно. Чем старое ворошить, давай сегодня что-нибудь новенькое придумаем.

– Давайте, – согласился я. – А что придумаем?

– Ну, ты же «музыкальный» директор? – она явно ребячилась. – Еще, небось, и режиссируешь понемножку? Так вот и придумай, чем меня развлечь. Просто так, для души. Гостеприимство и бухло гарантирую.

Во, дает! Видно, и впрямь приперло. Я собрался с мыслями. Так, что мы имеем. Для развлечения нужны артисты. Я прислушался. Со сцены доносился сильно приглушенный стенами грохот тяжелого металла. Рокеры еще не отстрелялись, и это хорошо. Развлекуха развлекухой, а разговор по душам в терапевтических целях отставной актрисе не помешает. А лучше, чем слегка поддатый рокер, вам философа не отыскать. Я сделал знак актрисе оставаться на месте и выскочил из гримерки. Вдоль коридора, напевая песенку Красной Шапочки, скакала на одной ножке «Цветная спичка».

– Эй, – окликнул я ее. Она испуганно оглянулась и замерла. – Привет, а где остальные? Работа есть.

Увидев меня, девчущка – без грима я бы дал ей лет двенадцать, – заулыбалась, а при слове работа просто засветилась улыбкой.

– А наши там, – она неопределенно махнула рукой, – сейчас в автобус грузятся, – весело сообщила мне «спичка».

– Так, дуй бегом к вашему руководителю. И чтобы он че-

рез минуту стоял около этой двери. Поняла?

Девчонка кивнула и исчезла. Ровно через минуту по коридору, громко топая и сопя, неся ее прямой начальник. А по совместительству мой старый приятель Гоша.

– Старик, звал? – у Гоши нюх на деньги и шабашки был феноменальный.

– Звал. Шабашка нарисовалась. Жратвы – море. Насчет гонорара не уверен. Но советую отметить. Такими приглашениями не разбрасываются. Будешь потом своим внукам рассказывать. – И я сообщил Гоше подробности.

– Да ты чё? – Гоша расплылся в довольной улыбке. – Ну, ты и правда профи! Не сходя с места еще работу находишь, – в его голосе слышалась неподдельная лесть. Но это была правда. Я славился среди моих клиентов потрясающим умением находить для них выгодную и непыльную работенку. Артисту чем больше шабашек за день привалит, тем лучше. Его заработок может быть ограничен только его физическими возможностями. А эти возможности в молодости практически безграничны. Народ пять концертов в день отпашет, а потом еще на день рождения к подружке закатывается. На всю ночь. Здоровье для такой профессии, как артист, должно быть лошадиным. Но здесь, как правило, только дозы лошадиные. Всего: работы, алкоголя, праздника. А это иногда очень напрягает. Особенно с возрастом. Но для Гоши и его подопечных «спичек» сейчас как раз все только начиналось. И потому этот народец пил эту жизнь захлеб и через край.

Счастливые! А я уже наелся этого всего досыта, и теперь могу только им по-хорошему позавидовать. Они когда-то тоже наедятся. Но это все еще в будущем. А пока...

– Гоша, сбегай-ка, дружок, на сцену и посмотри, как там у нас с рокерами. Порядок или есть проблемы?

Гоша обернулся за пару минут.

– Да вроде все тихо, – сообщил он мне.

«Слава богу, пронесло! Зритель попался непритязательный. А могли и милицию вызвать или жалобу накатать. Развелось сейчас грамотных! Куда ни плюнь, все о правах человека пекутся. Подумаешь, артистов им в концерте поменяли! Концерт – он и есть концерт. Пришел музыку слушать, так сиди и слушай, развлекайся!» – все эти мысли крамольно промелькнули в моей голове за долю секунды. Я вздохнул. Если бы все было так просто. А сегодня действительно просто повезло. Чертов «звездун» – еще раз вспомнил я недобрым словом своего несостоявшегося сегодняшнего солиста. Да и черт с ним! Обошлось, и замечательно.

На сцене вдруг стихло, а в зале раздались аплодисменты. Аплодисменты были жидкими. Скорее всего, все, кто не любит «тяжелый металл», концерт уже покинули. Этим и объяснялась относительно спокойная обстановка, воцарившаяся в зале. Теперь концерт, видимо, естественным образом закончился, но в связи с поспешным бегством конференсье объявить об этом оставшимся в живых зрителям было некому. Сейчас все это уже не имело значения.

Еще раз предупредив Гошу, чтобы он стоял именно около этой двери и не двигался с места, я рысцой потрусил на сцену. Зрительный зал уже почти совсем опустел, а рокеры так же флегматично, как и до концерта, собирали в кучку свою аппаратуру. Странная вещь: сколько мне не попадалось рокеров, они в жизни обычно полные флегмы, зато на сцене такое вытворяют! И на спинах ползают, и трясутся, как припадные, в плясках святого Витта, и микрофонными стойками кидаются. А за сценой они – нормальные люди. Некоторые даже из хороших академических семей. Видимо, в этом и состоит единство и борьба их противоположностей.

Я подошел к ним, честно отдал остатки заработанных ими долларов и сказал:

– Есть еще работа. – Рокеры перестали возиться с аппаратурой и заинтересованно воззрились на меня. – Мужики. Тут такое дело. Работа эта не совсем обычная. Вернее, это не совсем работа. – Я собрался с духом и обрисовал им ситуацию. – Понимаете, Донна совсем грустная. Заскучала без сцены.

Волосатый сплюнул на дощатый пол и понимающе кивнул:

– Заскучаешь тут. Сначала такая популярность, а теперь нафик никому не интересная. Так со всеми нами и бывает. – Рокеры закивали в знак солидарности.

– Да, бухло и жратва гарантируются в неограниченных количествах. – Рокеры возбужденно загалдели. По их забле-

стевшим глазам я понял, что попал в самую точку. Еще бы! Приглашение на банкет от самой Донны Примы! Такого варианта можно не дожидаться за всю свою жизнь. Почему бы и не потрепаться по душам со звездой? Ведь настоящие звезды бывшими не бывают. Они становятся легендами. А разве кто-нибудь из нас откажется от приглашения поужинать с легендой?

Я поскребся в дверь гримерной и, услышав зычное «заходи», впорхнул в гримерку. Донна вопросительно смотрела на меня.

– Докладываю, – я вошел в раж и был теперь в своей наилучшей форме. – Вас готовы сопровождать рокеры и «поющие трусы» Набор разношерстный, но тем и интересен. Рекомендую, как специалист.

Донна снисходительно улыбнулась.

– Вот прохвост. Хочешь сбавить мне лежалый товар. Торгуешь тем, что есть в наличии, – она снова немного иронизировала. Но, зная о том, какой она могла быть змееподобной, я снова оценил ее легкую беззлобную иронию.

– Обижаете! Для полноценной беседы и веселого праздника товар должен быть в ассортименте. А эти девахи еще и немного петь умеют. Так что, если вдруг вам захочется помузичировать – бэк-вокала хоть отбавляй.

– Согласна, – Донна махнула рукой, подавая знак, что ее все устраивает. Я вдруг заметил, что перед ней на столике лежит горка изрезанных журнальных страничек. В подтвер-

ждение моей наблюдательности тут же лежали крошечные маникюрные ножницы. Заметив мой взгляд, Донна сдвинула в сторону горку изрезанной цветной бумаги, и под ней обнаружился лист обыкновенной белой бумаги с наклеенными на него цветными буквами.

– Вот, развлекаюсь, – немного смущенно пояснила звезда. – Понимаешь, пиар – вещь такая странная. Никогда не знаешь заранее, что этим засранцам будет интересно. Вот я и подумала: если на меня вдруг кто-то устроит покушение или просто пришлет загадочное письмо с угрозами, это может сработать, – она склонила голову набок, и взгляд ее стал игривым. Хитро прищурив глаза, она спросила: – Не одобряешь?

Меня немного смутила ее убийственная откровенность. Но в шоу-бизнесе нет запретных тем, я и не с такими штуками в моей работе сталкивался.

– Нет, почему. Нормальный ход. Вполне приличный пиар. О вас народу всегда и все интересно. Где-то на недельку все газеты ваши.

– На недельку, – задумчиво повторила она. – А что. Надо подумать. – Прима свернула белый листок с наклеенными на него буквами и засунула его в сумку. – Все. Хватит воспоминаний. Хочу веселиться!

Глава 4. В гостях у небесной Донны

Через пять минут вся наша шумная компания грузилась в лимузин, именуемый в народе «колбасой». Другого транспорта Донна не признавала. Она, как опытный командир, рассадила нас по жердочкам, и мы тронулись. Лицо Донны было задумчивым, и я так не смог понять, жалела она о своем внезапном порыве пригласить нас к себе или нет. Но мне сегодняшний вечер начинал нравиться все больше и больше. Рокеры прямо в лимузине раздавили бутылочку французского коньяка и так слабаки «Дым над водой», что даже задумчивая Прима одобрительно заулыбалась. Я впервые убедился, что электрогитары могут спокойно обходиться без своей электрической составляющей. Мастерство не пропьешь!

– Какая музыка прикольная. А что это? – пропищала одна из «спичек». Рокеры переглянулись с Донной и заржали так громко, что задребезжали стаканы, расставленные прямо в дверце лимузина, оформленной в виде оригинального бара.

Время за песнями пролетело незаметно. Мне показалось, что прошло всего минут десять, как вдруг перед нами распахнулись огромные ворота загородного дома. Лимузин подъехал к парадному крыльцу, и мы вывалились в ночь вместе с гитарами и присмирившими «спичками». Ночь тут же зажглась десятком ярких огней и сразу стала похожа на незапланированный праздник.

Мы вошли в дом, и я понял, что домом это сооружение можно было назвать с большим натягом. Прихожая метров шестидесяти-семидесяти вполне тянула на тронный зал любого из европейских королевских дворцов. Обставлена она была вычурно и помпезно. В этом не было вкуса, но были деньги. А этого иногда вполне достаточно для самореализации. Если человеку так удобно, то зачем с этим спорить. Только поссоритесь.

Вертя головами направо и налево, мы прошли в тронный зал номер два. Он был больше первого в два раза. Немудрено! Это и была гостиная. Разноцветные диваны, собранные здесь, напоминали магазин антикварной мебели. Но, в общем, смотрелись неплохо. Рокеры были ребята незамысловатые и вообще ничего вокруг не замечали. Их интересовали только съедобные объекты. Заспанная прислуга металась между диванами, сервируя на маленьких низких столиках поздний ужин для гостей. То есть, для нас. Донна плюхнулась в низкое удобное кресло, откинулась на огромной пурпурно-бархатной подушке и блаженно вытянула ноги. Я осторожно перемещался вдоль стен, пытаюсь сообразить, каков общий объем этого помещения. И, наконец поняв всю тщетность и ненужность моего занятия, плюнул на это дело и перешел к закускам.

Гоша примостился в кресле около меня, и взгляд его, воровато шнырявший по закоулкам огромной комнаты, был немного испуганными. Он явно робел и поэтому помалки-

вал, машинально уплетая все съедобное, до чего он смог дотянуться из своего необъятного кресла, практически не меняя позы. Видимо, Гоша относился к тому типу людей, у которых во время стресса начинается «жор». А слово «стресс», в который Гоша впал, переступив порог этого дома, горело у него на лбу ярче неоновой вывески. Проще говоря, Гоша бздел. Я его понимал. Донна была мегазвездой, недостижимой и далекой, словно созвездие Кассиопеи. Она много лет освещала своим неподражаемым светом все закоулки шоу-бизнеса, все мало-мальски известные сцены этого не очень большого мира. К ней Гоша в своей обыденной продюсерской жизни даже не смел и приблизиться. Охрана бы побила. А тут такая халява!

Столики были накрыты с потрясающей скоростью. Но «труссы» побили этот рекорд. Девчушки, обалдевшие от вида вкусной еды, хватали ее голыми руками и запихивали ее в себя в неограниченных количествах. Рокеры были более обстоятельны – они не ели вообще. Но выпили ровно столько же, сколько смогли съесть «труссы».

Еда закончилась очень быстро, но Донна была на высоте. Видимо, ее ресурсы были поистине неисчерпаемы. Прислуга заменила на столиках стаканы и тарелки, присоединив к ним внушительных размеров блюда со свежими закусками. Видимо, скорость, с которой исчезла первая партия еды, сказала прислуге о многом, и хорошо вышколенный персонал мгновенно сориентировался.

Донна взирала на все это безобразие с королевским достоинством, которое предписано монаршим особам по праву рождения. Их самообладание, тренированное долгими годами нахождения на троне, недоступно простым смертным. Я не был очень голоден, но зато был неплохо воспитан, и поэтому, в отличие от остальных проглотов, неторопливо жевал бутерброд с холодным мясом и любовался спокойствием Донны.

Рокеры наконец решили, что пришло время немного перекусить. Это имело весьма прозаическое объяснение – закончился коньяк. А водки они не хотели. Волосатик слегка приподнялся в кресле и пояснил:

– Водка после коньяка невкусно. И смешивать нельзя, а то плохо будет. У меня желудок слабый, – он заботливо погладил рукой то место, где предположительно находился его слабый желудок и громко икнул. Я сочувственно посмотрел на него. Донна отозвалась из кресла:

– Я послала за коньяком. Скоро привезут, – сказала она обыденным голосом. Словно у нее каждый день собирались малоизвестные ей люди и выпивали все запасы коньяка в течение какого-то получаса. Она снова закрыла глаза. Волосатик удовлетворенно выслушал Донну, окинул слегка замутившимся взглядом пространство вокруг себя, сосредоточился, взял ближайшее к нему блюдо с бутербродами и поставил к себе на колени. Бутерброды стали методично исчезать у него во рту. Рокеры последовали примеру своего пред-

водителя, и вскоре столы снова опустели. Рокеры шевелили челюстями примерно полчаса. Когда они насытились, то откинулись на подушки по примеру Донны и вспомнили о музыке. Тут очень вовремя подъехал коньяк. Не выпуская из рук бокалы, рокеры ловко дополнили их гитарами, и легкий перебор гитарных струн поплыл над этим удивительным тронным залом. Ночь наполнилась почти невесомыми прекрасными звуками.

«Спички» наелись быстро, и теперь, осоловевшие от усталости и вкусной еды, они пытались не уснуть. Но у них это плохо получалось. В результате, двое из четверых спали беспробудным сном уже через десять минут после окончания трапезы. Донна махнула рукой:

– Не трогай их, пусть поспят. Я до сих пор помню эти зверские недосыпы. Мне казалось, что я не высплюсь никогда, – она закурила. – А теперь сплю, сколько влезет. – Актриса нервно затянулась, и я увидел, что у нее дрожали пальцы. – Знаешь. Я бы с удовольствием променяла мой теперешний здоровый сон на те недосыпы. Хорошее было время.

Пепел с сигареты упал на ковер, а она этого даже не заметила и прикурила новую сигарету от предыдущей. Выкурив и ее за три затяжки, Донна немного успокоилась.

– Слушай, а тебя правда Шоубизом зовут? – неожиданно спросила она меня.

– Правда.

– Хорошее прозвище. Точное. Человека твоей профессии

точнее не назовешь.

Я улыбнулся. Рокеры подтащили диваны поближе к креслу Донны и мы сейчас были похожи на ставшую на ночлег колонну первопоселенцев американского континента. Они тоже на ночлег ставили свои кибитки в круг, чтобы легче было защищаться от индейцев. Но мы ни от кого сейчас не хотели защищаться. Совсем наоборот. В результате коньяка и теплой беседы у нас вдруг сложилась очень интимная и задушевная обстановка. Я был рад этому. Еще бы! Я был сыт по горло шумными банкетами, да и шумом вообще. Мне хотелось тишины. Видимо, Донне тоже не хватало именно этого. А еще обыкновенной дружеской беседы. Чтобы ни о чем, просто так. Хочешь, душу изливай. А хочешь, просто молчи и слушай.

Беседа тем временем принимала самые причудливые формы. Ночь и тишина сделали нас всех немного философами. А рокеры были по определению зачинателями философии среди нас всех. Двое стойких «трусов» примостились на ковре рядышком с диванами и развесили уши, впитывая незнакомую информацию. Я смотрел на все это из глубин своего мягкого кресла и слушал неторопливую беседу Донны и Волосатого. Волосатый прикладывался к бокалу с коньяком, как только тема для беседы иссякала. Видимо, спасительная жидкость была для него вечным источником вдохновения. Он допивал уже пятую порцию, и в его рассуждения вкрались мистические нотки.

– Вечное противостояние Добра и Зла. Что это по-вашему? – он обвел нас удивительно просветленным взглядом. – Вот то-то и оно! Никто не знает наверняка. – И он снова отхлебнул из бокала.

– Ну, уж не борьба попсы с рокерами – это точно, – хохотнула Донна. – Насколько я знаю, тот конфликт начался задолго до появления людей. Но наши праотцы тоже приложили к этому руку. Помните неприятный инцидент с райским яблочком?

Волосатый неожиданно возмутился:

– А, это вы про Адама и Еву? Из-за каких-то двух похотливых мудаков мы с вами лишились рая!

Донна покачала головой и поморщилась. Она была не согласна.

– Если бы их не вышвырнули из Эдемского сада, то нас бы с вами сейчас тут не было. А Адам и Ева до сих пор бы швыряли камушки в Лету, понятия не имея ни о чем: ни об истории человечества, ни о всем прочем. Ничего бы тогда не было. Отсюда вывод: здоровое любопытство всегда дает положительный результат.

– Вы называете это результатом? – Волосатый обвел рукой все вокруг. – Какой же этот результат? Дерьмо это собачье, а не результат. Человек всегда превращает в дерьмо то, что ему дано природой, – и безо всякого логического перехода рокер развил свою мысль. – Вот в бога я верю! Никакие человеческие мозги не могут додуматься до того, до

чего додумался он. Такое понапридумывать! Целый мир! И все так стройно, удивительно и логично. И на тебе – науку там всякую, таблицу Менделеева, и стихи, и музыку, – рокер хлебнул еще коньяка. – Представляете, Бог должен быть отличным физиком! Если следовать мысли, что он создал абсолютно все, то лучшего специалиста в квантовой механике просто нет. И в другой механике тоже. Знаете, что я вам скажу, – и рокер хитро глянул на нас слегка нетрезвым взглядом, – Богу давно уже надо дать Нобелевскую премию.

Я слегка вспотел от неожиданности этого заявления. Но Донна насмешливо поинтересовалась:

– Получается, что и с музыкой не все чисто? Если следовать твоей логике.

Волосатик слегка икнул, погрозил Донне пальцем и, обратив свой взор на меня, продолжил:

– С музыкой как раз все понятно! Неужели ты думаешь, что это волшебство может придумать банальное серое вещество в твоей голове?

Я вздохнул:

– В моей – вряд ли.

Волосатик слегка зарычал и замотал головой:

– Да хоть в чьей! Это невозможно! Мы же только приемники. Передатчик там, в непознанных сферах.

Вона как! Я и не догадывался. Но Волосатику было уже на все наплевать, кроме его философии. И он с упоением продолжал:

– Такого замечательного физика и лирика в одном флаконе еще поискать. За это надо выпить, – и рокер опрокинул в себя остатки коньяка. Сделав это, он снова икнул и убежденно добавил: – Да. Бог – лучший физик на нашей планете!

Высказав эту глубокую мысль, он внезапно впал в транс. Седьмой бокал оказался для рокера роковым.

Прима задумчиво водила кончиком пальца по краю широкого пузатого бокала. Волосатик мирно спал на соседнем диване. Гоша затаился в кресле. «Трусы», не выдержав суточного марафона, свернулись калачиком и сладко посапывали прямо на ковре. Трое оставшихся рокеров перебирали гитарные струны, создавая в воздухе удивительную смесь звуков и космических вибраций.

– Знаешь, почему я сегодня сидела там, в примерке? – спросила Прима тихим голосом, обращаясь ко мне. На такие вопросы нельзя отвечать. Такие вопросы требуют полной тишины. – У меня сегодня был особенный день. Юбилей. Ровно пятьдесят пять лет как я пою. Понимаешь? – она подняла на меня глаза, и я увидел, что она улыбается. – Конечно, пение в раннем детстве со вставанием на стул для пьяных гостей не в счет. Я имею в виду профессиональную сцену. Я ведь рано начала работать. Нет, не работать. Неправильно. Петь. Так правильней. Я никогда не считала это своей работой. Это и есть «не работа». Хоть и отбирает у тебя всю жизнь, – глаза у Донны блестели каким-то неестественно ярким блеском. – Музыка – это дыхание бога. И это не может

быть такой прозаической вещью, как обыкновенное зарабатывание денег. Звуки для меня всегда были всем, всей моей жизнью, – она пригубила терпкий, пахнувший ванилью напиток. – А теперь их нет. Они исчезли. Ты понимаешь?

Я понимал. Столько сожаления и печали было в ее голосе, что даже мне стало понятно, как она страдает. Человек привыкает к своей жизни, и когда в ней что-то меняется не по его воле, то это всегда очень больно.

– Вы не переживайте. Вас все равно помнят. Многие любят.

Она снова взглянула на меня с любопытством. Ее взгляд постоянно менялся – боль и отчаяние то появлялись в нем, то исчезали из него по ее желанию. Хотя даже мне невооруженным взглядом было видно, что она страдает по-настоящему. И не знает, как с этим бороться. Старость для женщины вообще штука непереносимая. Для нее это уже почти конец ее истории. Что впереди? Неизвестность и забвение или что-то еще? Любои испугается. Но держится она замечательно! Сильная женщина.

– А ты занятный, – она снова откровенно разглядывала меня, словно увидела во мне какие-то новые незнакомые ей доселе черты. – Слушай, почему я тебя не встретила раньше? Ты ведь старый, – я обиженно выпятил губу. Она поправилась: – Ну, в смысле, не юнец желторотый. Мы бы сработались.

У меня по спине пробежал холодок. Нет уж, спасибо.

Я как-нибудь сам о себе позабочусь. Я был наслышан о ее стилях и методах. Да и вообще, с начальством у меня как-то всегда не складывалось. Я по природе был волком-одиночкой. Но, соблюдая приличия, я широко и фальшиво улыбнулся, поблагодарив Донну за любезность. Впрочем, она снова погрузилась в свои мысли и моей благодарности просто не заметила. Так мы молчали минут десять. Рокеры, наконец, перестали перебирать струны. Они теперь похрапывали на своих диванах, обхватив руками гитарные грифы, словно держали в руках прекрасных женщин.

Я размышлял о том, что происходило со мной сейчас. О таких моментах пишут в биографиях. Или в энциклопедиях. Лично я видел такое по телевизору. Называется это «откровением». Такие откровения находят на великих людей редко, и повезло тому, кто окажется в этот момент рядом. Можно узнать что-то такое, что потом будешь передавать как легенду из уст в уста своим потомкам, благоговейно сопровождая этот рассказ комментарием на тему «Как я случайно оказался там».

Донна полулежала в кресле, прикрыв глаза. И если бы не подрагивание ресниц, можно было подумать, что она задремала. Одиночество – вот что обгладывало ее душу. По этой же самой причине все мы, и, прежде всего, я собственной персоной оказался в этом доме. Этот факт был невыносим для простого смертного. Да и много других, тоже известных людей никогда не переступали этот порог. Я размышлял о

странных прихотях судьбы, об удивительных подарках, которые тебе иногда преподносит жизнь. Донна была интересна всем. Всегда интересна. Даже теперь, когда многие решили, что она в тираже, она все равно была интересна всем. И я не был исключением. Я ведь, прежде всего, обычный человек, а потом уже все остальное.

Внезапно она открыла глаза и, потянувшись, словно большая мягкая кошка, восстала из кресла. Именно восстала, словно богиня, выбирающаяся утром из облака, где она спокойно почивала всю прошедшую ночь.

– Слушай, Шоубиз, а давай кофейку сварим. Ты умеешь кофе варить?

– Умею.

Я действительно замечательно варю кофе. Меня на дежурных гастролях в Италии научил этой премудрости один пожилой трактирщик с внешностью старого грузина. Он сказал мне на чистом русском языке с явным кавказским акцентом: «Уважаемый, чтобы сварить хороший кофе надо вспомнить старый еврейский анекдот: «Еврею, не жалейте заварки!» И тогда у тебя, как и у них, будет полный цимес». Вот такой интересный итальянский трактирщик.

Мы с Донной переместились на кухню. Это помещение размерами соперничало с обеими прежними комнатами, помноженными на два. Зачем эти аэродромы? Я набрался наглости и решил спросить об этом в лоб. Донна задумалась.

– Наверное, это детские комплексы. Отсутствие чего-то

очень нужного именно в детстве. Я даже не знаю, чего именно. Может, вкусной пищи или красивой одежды. А может, это какие-то нереализованные мечты. Ты наверняка и сам знаешь, что мечты иногда приобретают самые разные формы, когда хотят сбыться. Вот как-то так. – И она развела руками, словно бы обхватывая это бесконечное пространство. Ее пространство.

Кофе закипел, и я вовремя подхватил турку с огня, не давая убежать вкусной густой пенке. Пенка в кофе – главный элемент. Без нее кофе – обычная столовская бурда. А я так насобачился его варить, что все мои друзья, приходя ко мне в гости, тут же заказывали мне чашечку кофе. Донна была в восторге.

– Да ты и впрямь мастер на все руки! Знаешь, а я ведь лукавила. Я много слышала о тебе. Но все как-то недосуг, все некогда, все бегом. Даже если хочешь с кем-нибудь познакомиться, то если это впрямую не касается работы, то – все. Не познакомишься. Весь день расписан. Ой, да чего я тебе это рассказываю, – она расхохоталась искренним, свежим, почти детским смехом. – Это же и есть твоя работа.

Я щелкнул каблуками и кивнул гусарским лихим поклоном – вот, мол, я, весь к вашим услугам. Она была права. Это действительно была моя работа. Я расписывал звездам весь их день по минутам, если они этого хотели. Я был профессионалом, и поэтому недовольных не было. Я работал с разными артистами, но Донна была звездой первой величи-

ны. Такие во мне не нуждаются. У них есть свои собственные директора, с острыми зубами в пять рядов и мертвой акульей хваткой – они однажды вцеплялись в свою «звезду» всеми своими челюстями и конечностями, и после этого там давно все было расписано на годы вперед. А «звезды» ленивы и не любят менять персонал. Поэтому даже средненького менеджера терпят много лет, прощая ему все возможные «косяки» и промахи в работе. «Звезды» не любят новых лиц. Их можно понять – слишком много в их жизни этого добра каждый день. Это сильно утомляет.

Зная все это, я даже не рыпался в эту сторону. И как оказалось, напрасно. Хотя... Как знать? Пусть все идет, как идет. Может, просто пришло время?

Я разлил кофе по красивым, почти прозрачного фарфора, чашечкам. Напиток был божественным. Донна наслаждалась им, прикуривая одну сигарету от другой. Время висело над нами как паутина, которую продолжал ткать невидимый паук. Оно опутывало нас, и в эту ночь делало все ближе и ближе. Нет, не физически. В этом никто из нас не нуждался. Есть близость намного интереснее и важнее. Я ждал «откровения». И я дождался. Кофе оказал на Донну магическое действие, и она окончательно расположилась ко мне. Мне хотелось расставить все точки над «и», пока еще можно было остановиться и не делать последний решающий шаг, о котором потом многие жалеют. Я пошел ва-банк.

– Можно задать вам вопрос?

– Валяй, – ответила она бесшабашно и растрепала свои густые волосы жестом, который я тысячу раз видел по телевизору.

– Я хочу знать, зачем вам все это? Зачем вам я? Эти рокеры? Девчонки? Смею предположить, что когда кончится эта волшебная ночь, то вы поступите со мной и с ними так же, как поступает самка паука со своим супругом-пауком. Вы нас просто съедите. Потому что мы узнали нечто такое, чего нам знать нельзя. И никому нельзя.

Донна снова смотрела на меня этим своим странным взглядом, слегка наклонив голову. Казалось, что она исподтишка высматривает во мне нечто такое, чего я и сам про себя не знаю. Прошла пара минут, и тишина стала тягостной.

– Ты думаешь, что я все еще чего-то боюсь? – Ответ ее был исчерпывающим. Какой же я осел. Я молча встал, подошел к ней, стал на колени и поцеловал ей руку.

– Вы действительно мегазвезда. – Я вложил в это слово все, что я знал о ней, все, что чувствовал всегда, когда слышал, как она поет. Донна погладила меня по голове.

– Какой ты, в сущности, еще пацан, – она положила свободную руку мне на голову и так и держала ее там, словно была епископом, а я грешником, пришедшим к ней за отпущением грехов. – И сколько же тебе еще предстоит узнать. – И мы оба затихли, думая каждый о своем. Наше уединение неожиданно прервало само время. Здоровенные напольные часы вдруг ожили, зашебурились внутри своей большущей

деревянной лакированной коробки и пробомкали два раза.

Я поднялся с колен и снова поцеловал ей руку.

– Свари еще кофе. Он божественный.

– Он достоин вас, – сказал я искренне. Пока я варил кофе, Донна выкурила еще пять сигарет. Пригубив горячий напиток, она цокнула языком, выражая свое восхищение.

– Ты в чем-то, конечно, прав. Но только отчасти. Я бы не хотела, чтобы о моей жизни трепались все, кому не лень. Пресса – это отдельная страна. Они сами себе навдумывают и публике все это и расскажут. Я к этому процессу никакого отношения не имею. И это всех устраивает – и прессу, и меня. Главное, чтобы они не писали правду. Вот этого я никому не прощу. И тебе не простила бы, если бы ты вздумал трепать языком. Но ты не будешь. Ты умный, – Донна спокойно пила кофе, обсуждая со мной свою жизнь. – Ты прав. Мне просто не с кем поговорить. Просто так. Излить душу. Раньше было с кем. А теперь нет. Я всегда сама выбирала, с кем пить, – она снова хохотнула. Юмор у нее всегда был чуточку солдатский. – Теперь, вот, с тобой. И считаю свой выбор правильным. Мы с тобой друг другу ничего не должны. И поэтому дружба наша может быть крепкой. Раз жизнь свела, значит, это для чего-то нужно. Жизнь вообще штука мудрая. К ее подсказкам надо прислушиваться. Вот только жизнь-то жизни рознь. – Донна вытащила из пачки последнюю сигарету – с ума сойти – пачку за два часа! – Я вот всю свою жизнь думаю над одним вопросом и никак не могу най-

ти на него ответ. Может, ты сможешь? – я весь обратился в слух – со мной советовалась сама Донна! – Повезло или нет тому, кто прожил только одну жизнь.

– Как это? – удивился я.

– Очень просто. Родился человек. Вырос. Нашел себе семью. Добился всего, о чем мечтал. И ушел, оплакиваемый чадами и домочадцами, в любви и умиротворении. Здорово. Но не поучительно. – Я слушал, затаив дыхание. – Я вот все время размышляю над этим. С виду вроде все нормально, хорошо даже. Но что-то здесь не так. Как-то все очень гладко и быстро. А так не бывает, – Донна приподнялась в кресле и придвинула ко мне свое лицо. – Не может такой человек планету эту вперед двигать. Ни на миллиметр, – она снова откинулась назад и глубоко затянулась сигаретой. – Понимаешь, радость – вещь приятная, но абсолютно бестолковая. Только через боль можно прийти к мудрости. Вот когда больно, тогда доходит. Тогда что-то понимаешь. Через потери, через отчаяние. Тогда ты становишься сильным. Или погибаешь. Но погибают только слабые духом. Сильные выживают и закаляются, вот они-то и двигают вперед этот мир.

Потрясающе! Мне это никогда не приходило в голову. Донна внимательно наблюдала за мной из глубин своего кресла.

– Интересно? То-то. Я думаю, что и встретились мы не случайно. Случайностей вообще не бывает. Они этим миром не запланированы. То, что ты называешь случайностью, это

всего лишь следствие, причины которого ты не знаешь. Или пока не знаешь. Если захочешь узнать, то это обязательно случится. Главное, захотеть. Многие так ничего и не узнали, потому что не захотели. Или не позволили себе захотеть. А ведь все просто! Я с самого детства знала, что стану тем, кем стала. Я просто очень хотела. Вот и весь секрет.

Я плохо понимал, о чем она говорит, но меня не покидало ощущение, что это – самое важное знание в моей жизни. Странная ночь!

Видимо, Донна была намного мудрее, чем я предполагал, и заметила мое замешательство. Она вдруг спросила:

– А хочешь, я докажу тебе, что я права?

Я пожал плечами от неожиданности.

– Хочу. Но я и так с вами согласен.

Она вдруг вспыхнула:

– Согласен он! С чем ты согласен? Приучил вас «совок» лапки поднимать по любому поводу. «За» и «против». Никаких полутонов. А жизнь, она вся из полутонов. Согласен ты можешь быть только с тем, что знаешь. А у тебя на лбу написано, что все, что я тебе тут наговорила, для тебя тайна за семью печатями! – Донна злилась. Но я сидел смирно и гнев ее утих. – Я тебе хочу наглядный пример привести, как можно успеха в жизни добиться. Ты же хочешь успеха? – я кивнул, не отрывая взгляда от ее покрасневшегося лица и горящих глаз. Она была убеждена в том, о чем сейчас говорила, и эта убежденность изливалась из нее на меня, как чай

из горячего чайника. Глаза ее смотрели поверх моей головы, словно она что-то вспомнила, и теперь эта картина висела перед ее глазами, недоступная моему восприятию. Я невольно оглянулся. Это движение было вороватым, словно бы я сам от себя пытался скрыть мысль, что не верю в то, что там действительно что-то есть. Ах, этот обманчивый взгляд артиста, глядящего поверх голов своих зрителей! Говорят, что Шаляпин во время пения выбирал одну точку где-то в углу полутемного зрительного зала, и этой точке пел обо всем, что накопилось в его великой певческой душе. А зрители, завороженные его таким проникновенным взглядом и пением, начинали оглядываться назад, пытаясь разглядеть, что же в том месте, куда смотрит певец, такого особенного, что оно удостоилось его искреннего, увлажненного слезой взгляда. Конечно же, там ничего не было. Просто это такой певческий прием. Но работает безотказно!

Я разочарованно разглядывал пространство у меня за спиной. Ничего, кроме белого полированного буфета там, естественно, не было. Я даже немного расстроился. Но с Донной скучать было некогда. Концерт только начинался. И я несколько об этом не пожалел.

– Этих примеров вокруг – пруд пруди, но этот – мой собственный. Вернее, приятельницы моей. Вся ее жизнь, – Донна теперь говорила спокойно и немного распевно, словно мудрый Баян, рассказывавший свои исторические байки. – Почему именно она? – Донна пожала плечами, как будто бы

и сама удивляясь своему выбору. – Да наглядно очень. И поучительно. По крайней мере, это я видела собственными глазами. А кое-что она мне иногда рассказывала про эту свою жизнь. Словно бы книгу вслух читала. Но это – не книга, – она приблизила ко мне свое лицо и заглянула мне в глаза, – вся ее жизнь – это просто классический пример того, что надо свои желания самому себе по-зво-лять! – на каждом слого Донна сделала ударение. – Просто хоти, и все тут, невзирая ни на какие препятствия, – она отпрянула от меня и выпрямилась в кресле. Ее мятущаяся натура требовала какого-то действия, и Донна хлопнула кулачком по мраморной крышке стола. – Вот этого ваш долбаный соцреализм и не предусматривал. Вам всегда надо пощупать и понюхать, чтобы во что-то поверить. А тут все не так! Все не по соцреализму, – она словно бы пыталась что-то кому-то доказать. Чувствовалось, что этому внутреннему монологу не одно десятилетие. Лицо ее немного покраснелось, в глазах появился какой-то отстраненный блеск, словно бы она смотрела куда-то вглубь пространства и видела то, что было от меня скрыто. Донна снова начала «заводиться». Эти переходы в ее настроении были стремительны, и я никак не мог уловить качающуюся грань между полным штилем и зарождающимся штормом в ее монологах. Она словно бы играла сама себя. Сценой была ее жизнь, а зрителями – все, кто был вокруг нее. Сегодня повезло мне.

– Успех – он величина нерациональная. Его надо про-

сто захотеть. И тогда он придет. Обязательно! Только говорить об этом бесполезно. Лучше помалкивать, – она обратила на меня свой отстраненный взор, и я успел уловить, как ее взгляд словно бы вернулся в существующую реальность откуда-то издалека, глаза слегка прищурились, напоминая глаза хищника, который уже наметил себе жертву, и она очень серьезно сказала: – Я так всегда и делала. Интуитивно. Делала свое дело и кайфовала от этого. Знала, что у меня все получится. Но всегда находился какой-нибудь кретин, который хотел меня куда-нибудь задвинуть. Подальше, в пыльный угол. А я брыкалась и шла вперед. Как танк. И дошла. А они где? – она захихикала. – Эти, которые меня задвигали? Вот им всем, – и Донна показала пространству перед собой фигу. – А я всю жизнь так живу, и, как видишь, не жалуясь. – И она с гордостью оглядела свои «закрома». Я огляделся вслед за ее взглядом. Если действительно предположить, что мысль материальна, то я мог сказать только одно: такую кухню я видел только на экскурсии во дворце турецкого султана в Стамбуле. Я имею в виду размеры. Это же надо себе такого нажелать!

Она вдруг снова наклонилась вперед, ко мне, и перешла на шепот. Это было неожиданно и весомо.

– А еще надо мечтать. Обязательно! – она приложила палец к губам и сказала совсем тихо: – Знаешь, я заметила одну странную закономерность – как только перестаешь мечтать, тут же заканчиваются деньги, – взрыв хохота, последо-

вавший за этим, так и не позволил мне понять, шутила она или нет.

Нахохотавшись досыта, Донна все же рассказала мне одну из самых занимательных историй, какую я только слышал в своей жизни.

– Я этого еще никому не рассказывала. Ты первый. Слушай. – Это был приказ. – Была у меня приятельница, Алевтина, я ее Алусиком зову. Мы с ней как-то лет сто назад на концерте в одной областной филармонии познакомились, она с оркестром выступала, а я, само собой, без оркестра. – Видимо, это был юмор. – Что значит, была, – перебила сама себя Донна, – она и сейчас есть, только видимся мы с нею редко. Живет она далеко. Но это не важно. Так вот. Она по профессии арфистка. На арфе играет, – уточнила моя собеседница. – Как она сама выражается – «гребу» я на арфе свою музыку, – Донна хихикнула. – Я ее из-за этой арфы и заметила. Сама маленькая, кнопка такая. Арфа больше нее в три раза. Я тогда так удивилась, не каждый день живую арфистку на сцене увидишь. Так и познакомились. Так вот, моя Алуся – человек деликатный, воспитанный, консерваторию закончила, в обычной жизни преподавала арфу в музыкальном училище. Так, ничего особенного. Жила она тогда в одном провинциальном городишке, иногда только с оркестром выезжала на концерты, там мы с ней и встречались, – Донна улыбнулась. И в ее улыбке промелькнуло что-то вроде застенчивости. – Думаешь, я всегда мегазвездой была? Думаешь, мне

всегда белый лимузин к подъезду подавали? – и она засмеялась своим хриплым неподражаемым смехом. – Нет, дружок. Я тоже в разных филармониях своё отпеть должна была. А как же без этого? Это, брат, как боевое крещение. Выдержишь это, выдержишь что угодно. – Донна прикурила новую сигарету от старой – новую пачку она вскрыла ловким привычным движением опытного курильщика и, как ни в чем ни бывало, продолжила.

– Алуся была тетенька талантливая, и ее часто в областную филармонию приглашали на арфе «погрести». В оркестре хорошей арфистки не было, вот она их и вырочала.

Жизнь ее текла почти безмятежно и очень предсказуемо. Денег не было, перспектив тоже. Сначала Алуся просто преподавала свою арфу, потом ее в замдиректора училища выдвинули. Но зарплата там все равно была так себе. Учителя, они и в Африке учителя! Хоть с арфой, хоть без арфы – нищета. Алуся как-то перебивалась, где-то подрабатывала. С мужем они разошлись. Он у нее был тот еще козел. Хам трамвайный, хоть и с ученой степенью. Ладно бы интеллект у него был, как у парового молота. Так нет! Кандидат хренов. Разница у них была лет восемнадцать. Замуж ее взял совсем девчонкой. Она мне рассказывала, что только когда развелась с ним, то поняла, что ему не жена нужна была, а прислуга безропотная. Он сначала просто изгалялся над ней, сядет за стол и ждет, пока она ему тарелки перед рылом его свинячим поставит, сожрет все и даже посуду за собой в раковину

лень поставить. Молча встанет и бросит все на столе. Ни спасибо тебе, ни здравств. Мол, радуйся, что я у тебя такой есть. Просто ее не замечал. И так шестнадцать лет! Представляешь, – Донна многозначительно окинула меня взглядом. Я смотрел на нее преданным ангельским взором, боясь пошевелиться. Она недовольно покачала головой, и взгляд ее обожгла досада. – Да ничего ты не представляешь. Небошь, сам безлошадный? – я виновато кивнул, мол, так вышло по жизни. Но Донна была великодушна. Она жадно затянулась сигаретным дымом и, внезапно вернувшись в прекрасное расположение духа, продолжила свой рассказ. – Так они и жили. По молодости вроде Алусик все терпела, а с возрастом стала слегка бунтовать. Но так, по мелочам. Только уже когда совсем приперло, она поставила вопрос ребром. Но к тому времени от их очага только один пепел остался. Он ведь еще и погуливать стал, пока вовсе к другой не сбежал, гад такой. Развелись они, и оба, видимо, легко вздохнули. Хотя слухи ходили, что бьет его новая жена смертным боем. Вот недаром люди говорят – от добра добра не ищут. А то можно найти приключения на все места сразу, – и Донна снова засмеялась. Она топталась в рассказе на одном месте, словно бы примеряясь или раскачиваясь, как спринтер перед резвым стартом. Я терпеливо ждал развития сюжета. – Детей, правда, муженек ее драгоценный никогда не бросал, помогал им, в институты поустраивал. Все честь по чести. Только Алусику от него всю жизнь было толку, как от козла молока.

Но она не унывала. Приятельница моя от природы хоть и спокойный человек, но с характером. Все жизненные невзгоды переносила стойко. Даже с оптимизмом.

Работала она себе, работала, все вроде нормально. Я бы и не знала ничего, если бы она случайно, однажды, не рассказала мне о своей мечте. Как-то встретились мы с ней на очередном концерте, вернее, уже после него, сели, поужинали. Абсолютно неожиданно разоткровенничалась. «Понимаешь, – говорит, – чего-то мне в жизни не хватает». Оказывается, хотелось ей уехать в Америку на ПМЖ. Я тогда от удивления чуть со стула не свалилась. Чего только в жизни не бывает! Мечта у нее была такая, еще с детства. Странное для советского человека желание, – Донна встала, подошла к белоснежному итальянскому шкафу и вынула из него бутылку «Бейлиса». Она налила себе тягучего сладкого ликера в крошечную рюмку и, выпив, причмокнула губами от удовольствия. Налив себе вторую рюмку, Донна резко повернулась ко мне и вдруг возразила сама себе: – А может, и не очень странное. Она ведь мне иногда жаловалась. Зарплата у меня, говорит, меньше, чем у секретарши. Я «консу» закончила, консерваторию, значит, а секретарша – среднюю школу. Где, спрашивается, справедливость, – женщина на секунду замешкалась и, словно сделав для себя окончательный вывод, сказала: – Я ее не могу осуждать. У каждого человека своя мечта, пусть хоть и такая забавная.

Донна допила ликер, поставила рюмку в мойку и верну-

лась на свое место, прихватив бутылку с собой.

– И вот стала она потихоньку стараться эту свою мечту осуществить. Поднакопит немного денег – и в Москву. Три раза ездила она на собеседование в американское посольство, разным фирмам кучу денег отдала. В этих фирмах специально обученные люди для нее три раза всякие легенды разрабатывали. Ну, чтобы ей визу в Америку дали. То вроде бы она на съезд компьютерный едет, то на симпозиум какой-то научный. Но как наступало время ей на собеседование в посольство идти, так она и проваливалась. Как на экзамене. Она ведь честный и порядочный человек, а у таких все на лице написано. А у Алусика было написано, что врет она и ни на какой симпозиум ей не надо. А хочет она в Америке остаться. Таких в посольстве не любили и визы им не давали. Алусик сильно переживала и расстраивалась. «Знаешь, – говорила она мне, – я бы там хоть “бэбиситтером”» – нянькой, то есть, если по-нашему, – уточнила Донна специально для меня, – «хоть домработницей, да кем угодно! Только чтобы отсюда вырваться». Ей почему-то здесь все обрыдло. Она даже не могла сказать, почему.

В общем, потратила она на это мероприятие лет шесть своей уже немолодой жизни. Ничего не получилось. Тогда вроде бы плюнула она на все это и успокоилась. Но жизнь – штука интересная. Я думаю, что если по-настоящему чего-то захотеть, то это и помимо тебя сбудется. Так и вышло.

Однажды, когда Алусик уже и думать про свой американ-

ский переезд забыла, неожиданно звонит ей из Гонконга одна ее бывшая ученица. Ученица, тоже арфистка, в Гонконг вместе с мужем уехала и там на работу устроилась – в дорогом ресторане по вечерам богатой публике на арфе играть. И нужен был этому ресторану еще один человек. Сам понимаешь, на арфе не так много людей играть умеют.

Подумала Алуся, почесала затылок, да и решила – была не была. Уволилась из своего музучилища, погрузила в самолет арфу и улетела на другой конец планеты. Там она полгода играла в русском кабаке сытой публике и получала за это приличные деньги. Кабак, конечно, не концертный зал, но платили там изрядно, и жаловаться было не на что.

Тут вдруг кабак этот закрывают, и у моей подруги возникает новая дилемма – куда ей теперь деваться. Виза у нее действительна аж до Нового года, а на дворе пока еще май месяц, и вообще непонятно, как теперь быть. Потыкалась она помыкалась, приехала домой, в Россию, на детишек посмотреть. Детишки у нее оба великовозрастные уже. Сын институт закончил, дочка на третьем курсе в столице обрелась. Все у них, вроде бы, в порядке. Беспокоиться не о чем.

Побыла Алуся с родней месяца полтора и надумала – если до декабря она работы в Гонконге не найдет, то все, возвращается опять в «совок» и больше не рыпается со своей стодолларовой зарплатой.

Уехала она снова в свое тридевятое китайское царство и попробовала преподавать уроки игры на арфе богатеньким

китайским Буратино. И что ты думаешь. Оказывается, желающих научиться грести на арфе намного больше, чем мы с тобой думаем. Но не все это себе могут позволить. Уроки эти стоят бешеных денег. И пошло-поехало. Ученики к ней в очередь стояли. Доходы – с рестораном не сравнить! Алусик обрадовалась такому замечательному раскладу, продлила себе визу и теперь на полном серьезе взялась за свою жизнь. Поскольку материально она уже совершенно не нуждалась, то прикупила она себе новую арфу взамен старой. А это, ба-тенька мой, весьма дорогое удовольствие. Английский язык теперь у нее от зубов отскакивал. У нее на эту тему даже произошел один забавный случай. Однажды она споткнулась о свою домашнюю собачонку и в сердцах пнула ее, чтобы та не лежала у нее на дороге и вдруг неожиданно поймала себя на мысли, что материт пёсика на чистом английском языке.

Так прошло еще с полгода. И вот, в один прекрасный день ее компаньонка – китаянка, с которой они вместе снимали квартиру, спрашивает: «Алусик, почему бы тебе не устроить свою личную жизнь? Женщина ты видная, неглупая, но почему-то совсем одинокая. Это неправильно». Алусик удивилась, но призадумалась. А компаньонка знай, зудит ей в ухо: «А Интернет для чего? Повесь там свою фотку. Может, с кем и познакомишься».

Недели через две Алусик, наконец, сдалась и научилась пользоваться сайтом знакомств. На русских женщин всегда был повышенный спрос, а здесь и вовсе невеста завидная.

Во-первых, она всегда за собой следила и отлично выглядела. Для своих неполных пятидесяти лет ее сорок четвертый размер и прекрасный цвет лица были просто находкой.

Стали ей писать женихи со всего света. Просто завалили письмами. И итальянцы, и негры, и даже один японец. Но все не то и не то. Так она месяца три попереписывалась и потом ей все это надоело. Перестала она на письма отвечать, народ потихоньку и затих. Но один американец, Джон, все пишет и пишет. Она уж и вовсе не отвечает никому, а он настырный оказался. Даже без ее ответов письма ей шлет, надежды не теряет.

Решила она ему все же ответить. Стали они снова переписываться. Так прошло еще пару месяцев. И вдруг он ей пишет: «Я хочу к вам приехать». Алусик сначала испугалась, мало ли что, Интернет – такая помойка известная. Столько там всего и всяких. Но американец не сдавался. И Алусик решила – будь что будет, пусть приезжает. Чисто русский вариант! Сказано-сделано. Назначили они день встречи. Но тут есть одна заковыка. Выяснилось, что в Гонконге американские телефоны почему-то не работают. Алусик и это предусмотрела. Она сообщила Джону, что будет встречать его в аэропорту в желтом шарфике.

И вот настал день икс – это она мне сама рассказывала. Стою, говорит, как дура, посредине аэропорта, оглядываюсь по сторонам, и вдруг вижу еще одну женщину в желтом шарфике. А потом еще одну. В общем, штук семь их насчитала.

А самолет как раз прилетел. Она уже чуть не плачет – телефон не работает, шарфиков семь штук. Ужас!

И вдруг ее сзади обнимают чьи-то руки. Она повернулась, а это он, Джон, собственной персоной, прижал ее к себе крепко-накрепко. Он ей потом сказал, что кроме Алусика больше ни одного «желтого шарфика» в аэропорту не заметил. По фото ее узнал! Поехали они в гостиницу, он там устроился, потом они погуляли, в ресторан сходили. А вечером, как два пионера, по домам разошлись. Так они дней пять по Гонконгу гуляли. И на шестой день он неожиданно приглашает ее к себе в номер. Алусик сначала отказывалась, но потом все же согласилась – мужик вроде хороший, ей понравился. Пришли они. Он ее на кровать посадил, сам на колени перед ней встал, достает из кармана коробочку бархатную, а там колечко с бриллиантом. «Выходи за меня, а?» – и сам в глаза ей с надеждой смотрит. Вот тут-то ее и прорвало. Слезы сами собой покатались. Сижу, говорит, как ненормальная, рыдаю, Джон аж расстроился. Подумал, что она ему отказывает. А она подумала, подумала, махнула рукой – где наша не пропадала, и согласилась. Как он ее на руки подхватил, как закружил. В общем, еще неделю он ждал, пока она со всех своих китайских работ поувольняется, и потом полетели они вместе в Америку, в славный город Атланту. Он ей о себе все рассказал, пока они в дороге были. Оказывается, он раньше работал бригадиром той здоровенной будки на колесах, которые на стадионах для больших

концертов монтируют звук и свет. В общем, дядька оказался очень грамотный. Но в данный момент он уже нигде не работал, потому что несколько лет назад, во время монтажа какого-то огромного экрана на стадионе этот экран упал прямо на него. Джон сильно повредил руку осколками и потом долго лечился. Но в Америке такой случай – это просто золотое дно. Фирма, в которой он раньше трудился, выплатила ему громадную компенсацию и оплатила полностью все лечение. Теперь Джон был весьма состоятельным человеком, купил себе в Атланте большой дом и жил там в свое удовольствие. Дети его выросли задолго до того неприятного случая на стадионе и жили неподалеку вместе со своими семьями. Когда Алусик с Джоном приехали, вся его семья на смотрины собралась. И все они Алусе очень понравились. И она им тоже. Свадьбу сыграли, все как у людей. Стали жить. Месяц-другой прошел, Алусик – женщина деятельная, без дела долго сидеть не может. И решила она узнать, чем же можно здесь, в Америке, на жизнь заработать. Оказалось, что и здесь арфа в большом дефиците. И таких же бешеных денег музыкальные уроки стоят. Вот здорово! Алусик обрадовалась, стала искать учебники, чтобы с учениками заниматься. Да не тут-то было! Оказывается, учебники по игре на таком редком инструменте еще дефицитнее, чем сами преподаватели по арфе. Алусик снова задумалась и решила, что ее знаний ей вполне хватит, чтобы написать такой учебник. Засела она за работу, и через два месяца руководство по игре на арфе бы-

ло готово. Добротное, наша российская школа. Все как предполагается. Отослала она рукопись в редакцию и стала ждать. Через две недели ей приходит ответ: «Печатаем. Гонорар перечислим на ваш счет». Ух, ты! Алусик снова засела за работу. Когда она мне это рассказывала, ей из Америки позвонил муж, сказал, что выходит уже пятое издание ее учебника, тиражи огромные. А гонорар исправно перечисляется на ее счет. Муж особенно ею гордился. Хороший мужик попался. Но и это еще не все.

Алусик в Америке обжилась, подруги у нее появились. И вот однажды сидели они с подругой за утренним кофе в ближайшей кафешке. Разговор был так себе, ни о чем. И как всегда, на музыку перескочил. А там и на арфу. Алусик возьми да и спроси подругу, просто так, из любопытства, а не знает ли она случайно, где проживает самая известная в мире арфистка, миссис Такая-то. И вдруг подруга ей и говорит. «Да эта дамочка тут неподалеку обретается. В Фениксе она живет». А это от Атланты как от Москвы до Киржача, всего ничего. А подружка еще добавила: «У меня и телефон этой старушенции имеется. Меня как-то по случаю ей представили. Могу тебе дать. Скажешь, что от меня». Алусик чуть до неба не допрыгнула. Как?! И она еще не там? Алуся тут же, не сходя с этого места, позвонила старой карге и напросилась к ней в гости. А бабусечка та, действительно, светило в мире арфы. Какая-то суперизвестная звезда. Алусик тут же прыгнула в машину и меньше чем через три часа уже си-

дела в гостиной у бабки-арфистки. Та сначала ее осмотрела со всех сторон – что за чудо-юдо российское. А потом и говорит: «Вы мне, милочка, поиграйте-ка на арфе. А я послушаю». Видимо, захотелось бабке знать, чего Алусик стоит на самом деле. Но это она зря! Алусик всегда играла божественно. И тут не подкачала. Через полчаса ее игры бабка рыдала как ребенок. Она потом призналась, что уже много лет не слышала такой качественной игры на арфе. В общем, расстались они добрыми подружками. Вот так-то. А теперь вспомни, с чего я всю эту историю начала? – И Донна вззрилась на меня вопросительно, словно я вытянул на экзамене самый сложный билет и теперь должен без подготовки отвечать на него. Я наморщил лоб и попытался вспомнить. Но Донна не стала дожидаться моего бездарного ответа и сказала: – В Америку Алусик уехать хотела! Вот чего. А видишь, как вышло. Она туда и попала. И наплевать, что через свиное ухо. Главное, мечта ее сбылась! И в Америку уехала, и никаким «бэбиситтером» не стала – упаси господи, прислугой еще не хватало работать человеку с консерваторским образованием! И жизнь ее замечательно наладилась. И заметь, что прожила она при этом минимум две жизни. Одну – до того, в «совке», а другая уже потом настала. Это – если Гонконг в расчет не брать. И намыкалась она – дай бог всякому! Но все впрок. Потому что у человека цель была. Скажешь, стечение обстоятельств, – Донна выдержала замечательную театральную паузу и только потом очень уверенно заявила

мне, словно я перед этим ей сильно возражал: – Да не верю я в никакие обстоятельства! Просто она этого очень хотела. Так же сильно, как я стать известной певицей. И нечего стесняться слова «известной». Вот кто стесняется, тот и будет всю жизнь петь в задрюченном кабаке или того хуже, в какой-нибудь сельской самодеятельности. Но если человека это устраивает, то почему нет? Значит, он своего потолка добился. Тоже нормально.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.